

Маслова С. Б.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри іноземних мов
Національного університету «Одеська юридична академія»

КОГНИТИВНА ЛІНГВІСТИКА – АЛЬТЕРНАТИВНА НАУКА ПЕРСПЕКТИВИ РОЗВИТКУ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Аннотация. Стаття посвящена проблемі валідності когнітивної лінгвістики. Когнітивна наука вивчає категорію знання учасників дискурсу. При цьому всі можливі компоненти знання моделюються. Когнітивні моделі кодування і декодування дискурсу в пропозиційній структурі сприяють розробці найбільш адекватних моделей передачі і прийому відповідного кластера знання як самим человеком, так і з допомогою штучного інтелекту.

Ключевые слова: мислити образами, знання, дискурс, дедукція, фрейм, когнітивна модель ситуації, знання сцени, фонові фрейми, контекст, пресупозиція, причина, наслідок.

Постановка проблеми. Мислителний процес людини, його вищі психічні функції, накоплення інформації, трансформуються в дальшому в знання, кодування і декодування відповідних об'ємів інформації (знання) з допомогою мови (дискурсу) вимагають додаткових і глибоких досліджень, наукових розробок, відкриттів і висновків. Перераховані аспекти складної структури людини-особистості призводять до появи нових дисциплін, наук, здатних вирішити поставлену задачу. Такою наукою, на наш погляд, і є когнітивна лінгвістика.

Цель статьи – показати цілісність, валідність і значимість когнітивної лінгвістики як одного з найважливіших наукових розділів загального мовознавства (лінгвістики) – науки про мову.

Изложение основного материала исследования. Наш головний мозок є органом відображення об'єктивної дійсності, він мислить і бере участь в аналізі взаємозв'язків людини з світом з допомогою своїх вищих психічних функцій, таких як пам'ять, мислення, свідомість і др. Будь-яка форма психічної діяльності ґрунтується на пам'яті. Пам'ять як одне з найважливіших властивостей психіки – це відображення минулого досвіду, закріплюється в запам'ятовуванні, збереженні, наступним відтворенні і усвідомленні того, що раніше було прийнято, пережито або зроблено. Іншими словами, пам'ять це – бібліотека індивіда, сховище інформації, досвіду і раніше всього знань особистості як продукту суспільного розвитку певної історичної епохи з властивими їй індивідуальними біологічними і соціально обумовленими властивостями і якостями психіки.

Ітак, людина (особистість) мислить, і мислить він образно – образами, а точніше мислеобразами. В пам'яті людини зберігається певний об'єм інформації, знань, досвіду, іншими словами, певний пласт образів, його суб'єктивних мислеобразів, якими він користується в своїй повсякденній діяльності. Мислеобрази або репродуктивні форми є символами позначення елементів структури наших мислей. Кожен раз,

коли ми про щось думаємо, в розумі, на внутрішньому екрані нашого свідомства (умозрення) виникають образи, наприклад, достатньо згадати, подумати або промовити: «Зима» («It's winter»), як тоді в розумі оживає кольорова, об'ємна індивідуальна картинка цього року. І не особливо важливо, якими символами позначається елемент: використовуємо ми рідну або іноземну мову. В якій би формі ні представлялись символи, якою би формою вони не мали, важливо інше – зрозуміти чи той, кому призначена наша інформаційна посилка, оцінить її якість, її значимість, цілісність, прийме чи якісь-то дії відповідно нашій спрямованості, закладеної в цю інформаційну посилку. В ідеалі суб'єктивні мислеобрази повинні за своїми кількісними-якісними характеристиками абсолютно відповідати об'єктивним еталонам буття (нашого світу), формам об'єктивної дійсності. І це, безсумнівно, перспектива майбутнього. А поки мозок людини здатний сприймати тільки те, до чого готов, знає, або те, що може або хоче. З цього випливає, що в аспекті вдосконалення особистості в процесі пізнання світу, накоплення знань, досвіду і інформаційного обміну особливу значимість набуває освіта або, іншими словами, накоплення мислеобразів: навчання, просвіта; сукупність знань, отриманих спеціальним навчанням. Бо людина самостійно осмислює явище, опираючись на власну світоглядну базу.

В світі існує механізм причинно-наслідкових зв'язків. Без причини немає наслідку, тобто без причини ні подія, ні явище, ні якоїсь-то форми людської діяльності статися не може. Іншими словами, причина – аргумент, а наслідок – функція. Причому в поступальній процесі розвитку причина і наслідок взаємозамінювані.

Якщо думка людини причина, то наслідок – символи супроводження, кодування думки: мова або дискурс, розглядається як продукт дійсного, процесуального, динамічного безпосереднього комунікативного акту [1; 2], представляє собою зв'язну послідовність пропозицій (предложень) тексту, де пропозиція вважається мінімальною одиницею розпізнавання мислеобразу.

В механізмі причинно-наслідкових зв'язків мислеобрази виступають причиною, базою світогляду людини – носієм мови. Сам же мова – наслідок, символи супроводження мислеобразів, знакова система засобів, інструмент спілкування людей між собою, спосіб вираження їх думок (мислеобразів). Мова складається на основі мовного досвіду людей, об'єднаних єдиними завданнями і функціями.

Людина пізнає оточуючу дійсність, накоплює інформацію. З часом інформація трансформірується в категорію знання. Інформація, закріплена в письмовому дискурсі і апробована на практиці, стає знанням,

поскольку знание – продукт общественной материальной и духовной деятельности людей; идеальное выражение в знаковой форме объективных свойств и связей мира, природного и человеческого. Знание в пределах разумной достаточности всегда было и будет залогом человеческих возможностей. Существенным обстоятельством является то, что человек в контексте реальных социальных отношений приступает к познанию, обладая «готовым» (общественно исторически выработанным) понятийным и категориальным аппаратом. В знании осуществляется перевод разрозненных представлений в теоретически систематизированную общезначимую форму, удержание того, что может быть сохранено, передано, преемственно развито в качестве устойчивой опоры последующей человеческой деятельности.

Можно однозначно утверждать, что существует наука о языке – общее языкознание или лингвистика. Существуют разделы языкознания: семасиология (семантика), изучающая значение слов и выражений и изменения данных значений; лексикология, занимающаяся изучением словарного состава языка; грамматика, содержащая учение о формах словоизменения, о строении слов, видах словосочетаний и типах предложения, и этот список частных разделов можно продолжить.

Но была ли отображена общая картина, выведена целостная единая структура знаний, передаваемых уже относительно устойчивой, устоявшейся, но динамической, постоянно развивающейся и обновляющейся лексической системы языка с позиции категории знания как сферы мыслеобразов, кодируемых языковыми средствами при помощи нашего головного мозга или метаболического фрактального реактора? С уверенностью можно сказать: «Не была». Если в процессе познания оказывается, что какая-то группа закономерностей может быть выведена из закономерностей более общих, то это отнюдь не означает, что первые сведения целиком сводятся ко вторым. У них имеется своя специфика. Другими словами, «выводимость» еще не есть простая «сводимость». Соотношение между частными и общими теориями значительно сложнее. Появление принципиально новых факторов, например, разработка компьютерных программ, создание искусственного интеллекта, раздвигает рамки существующих теорий, ведет к разработке теории более общей, которая непременно «вбирает в себя» и прежние представления. Появление новых величин в более общей теории связано с применением новых понятий. При переходе от частной теории к общей выясняется, что сами понятия частной теории являются приближенными, отражают реальный мир лишь с определенной степенью точности. Новые понятия, применяемые в более общей теории, являются более точными. Переход от частной теории к общей – это революция, требующая принципиально новых идей, выработки новых понятий.

Революцию в языкознании (лингвистике) совершила когнитивная лингвистика. Если общее языкознание (лингвистика) – наука о языке: о средствах (символах) выражения мыслей (мыслеобразов) – на уровне языка, то когнитивная лингвистика – наука о категории знания: об информационном объеме мыслеобразов, о знании – на уровне языка и мысли.

Изучение категории знания, используемого в ходе языкового общения, рассматривается как одно из ведущих направлений когнитивной науки. Участвуя в актах коммуникации, мы либо сами порождаем высказывания (кодируем мыслеобразы), либо понимаем то, что говорят или пишут другие (декодируем мыслеобразы). Язык (дискурс) как средство передачи мысли (мыслеобразов) выступает в виде своеобразной «упаковки».

Мыслеобраз – причина (аргумент), дискурс – следствие (функция). Однако знания, используемые при кодировании и декодировании дискурса, отнюдь не ограничиваются знаниями о языке. В их число входят также знания о мире, социальном контексте высказываний, хранящаяся в памяти информация и многое другое (внеязыковые знания). Только изучение способов взаимодействия и организации всех типов знаний приближает нас к пониманию сути языковой коммуникации. Надо уметь извлекать информацию, планировать и управлять дискурсом. Общая база знаний носителей языка представляет собой самоорганизующуюся и саморегулируемую систему, подвижную и изменяющуюся на основе новых данных.

В состав базы знаний входят: 1) языковые знания; 2) внеязыковые (невербальные) знания [3, с. 6–7].

Если вопросы о составляющих базы знаний и их взаимодействие исследованы в известной степени, то гораздо большие трудности возникают в ходе поиска соответствующих структур представления знаний: языковых и внеязыковых.

Структуры знаний, именуемые в лингвистических когнитивных исследованиях фреймами, скематами, схемами, сценариями, сценами, планами и т. п., представляют собой пакеты общего знания, информации (храняемые в памяти или создаваемые в ней по мере необходимости из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Данные структуры играют существенную роль в функционировании естественного языка: с их помощью «устанавливается связность текста на микро- и макроуровне, обеспечивается вывод необходимых умозаключений. Они «поставляют» контекстные ожидания, позволяющие прогнозировать будущие события на основе ранее встречающихся сходных по структуре событий» [3, с. 8].

В лингвистику понятие «фрейм» ввел Ч. Филлмор, сформулировавший две основополагающие идеи: во-первых, «значение слова – это не сумма компонентов, на которые его можно разделить, а концептуальная структура, которая является совокупностью знаний, известных говорящему и слушающему, и в то же время схемой интерпретации опыта» [4, с. 5–29], во-вторых, фрейм – это «совокупность лингвистических вариантов, которые ассоциируются с так называемыми сценариями» [5, с. 124]. Эти идеи получили своё дальнейшее развитие в исследованиях многих авторов, доказавших, что языковое значение слова, хотя для каждого индивидуума в известной мере и субъективно, в то же время прямо зависит от сформировавшегося в мозге человека определённого образа, стоящего за этим словом [6].

Вначале фреймы рассматривались как преимущественно лингвистические конструкции, а в дальнейшем они получают очевидную когнитивную реинтерпретацию и определяются как тип когнитивной модели, который представляет знания, принадлежащие специфическим и часто встречающимся ситуациям, задают однозначные соответствия между концептами и лексическими единицами. Фреймы идентифицируются со стереотипами реальных ситуаций, то есть схематизацией опыта, фиксирующей прототипы знания в действительности [7, с. 54]. И фреймовая семантика рассматривает значение номинативных единиц как структуры, обусловленной ситуацией. Вместе с тем «в каждом из этих значений отражается и концептуальное представление, и значение об именуемом референте, и способ хранения этого знания в голове человека» [8, с. 10]. Хотя фреймы и находят своё отражение в языке, их нельзя рассматривать как чисто лингвистические явления, поскольку в действительности люди опери-

ругують набагато більшим кількістю фреймів, ніж існує слів і різних конструкцій [9]. Язык, являясь одним из важнейших способов организации знания, во многом представляет собой именно систему фреймов [10] и аппарат фреймов, используемых в когнитивной лингвистике, позволяет моделировать мыслительные процессы и выявлять когнитивные структуры, скрывающиеся за фактами их употребления. Поскольку фреймы охватывают комплекс знаний, не всегда возможно точно выделить и обозначить все составляющие его элементы. Тем более что сами фреймы обладают свойством сужения, то есть фокусирования внимания на какой-то его части [11], а их структура двойственна: с одной стороны, фреймы – это определенным образом структурированные лексические подсистемы, а с другой – это средство организации, инструмент познания, внутренняя когнитивная информация, являющаяся либо врожденной структурой, либо возникающая путем усвоения из опыта и обучения [12, с. 64].

Естественно, у каждого человека существует собственный набор фреймов, формирующийся на протяжении всей жизни. Но сами фреймы у разных людей отличаются мало, иначе люди не понимали бы друг друга. Это не в последнюю очередь связано с тем, что в рамках конкретной языковой общности можно, видимо, говорить о единообразном для членов данного сообщества способе членения и категоризации мира [13, с. 74]. Речевое общение ведет к возникновению у людей ассоциаций и активизации соответствующих частей фреймов, которые при продуктивном речевом акте у собеседников совпадают, и тогда они прекрасно понимают, о чем идет речь. Различия в общих знаниях и опыте отражаются лишь на степени взаимопонимания между людьми.

Человек в своей мыслительной деятельности всегда идет на шаг дальше – от мелких деталей к абстрактным понятиям. А сделав этот шаг, уже не может вернуться назад. Так возникают образы в нашем умозрении (сознании) или, другими словами, во внутренней речи декодирующего дискурса. И данные образы всегда равнозначны пропозиции, являющейся элементарной единицей сознания и лежащего в его основе знания. Декодирование образов происходит, прежде всего, на базе той части мышления, кодирующего дискурса, которая с помощью языка приобретает языковую форму (знание сцены), а с другой – может выражать некоторую новую дополнительную конфигурацию знания (фоновые фреймы). Этот сложный кластер знания определяется как «знание сцены + фоновые фреймы».

Языковое содержание (лексические и грамматические значения) выступает лишь в качестве средства формирования, хранения и передачи наших знаний о мире. Взаимодействие между языковыми и внеязыковыми знаниями, языковым и внеязыковым содержаниями нашего сознания происходит в процессе речемыслительной деятельности, в ходе формирования (кодирования) и понимания (декодирования) речевого смысла дискурса. Знание текстовой базы дискурса относится к разделу языковых. Это так называемое «знание сцены» [14, с. 11–39]. Понятие сцены охватывает такие объекты, как контекст и пресуппозиция (англ. *presupposition* – предположение, допущение).

Контекст рассматривается как законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи (текста), дающий возможность точно установить значение отдельного входящего в него слова или предложения, а также как условия употребления данной языковой единицы в речи (языковое окружение).

Наиболее общепринятым определением пресуппозиции является понимание ее как некоего «фонового знания», обще-

го для участников коммуникативного акта. В данном смысле пресуппозиция трактуется как “*common ground*” участников коммуникации по предположению говорящего [15, с. 29]. Пресуппозиции могут быть интралингвистическими и экстралингвистическими. Первые выражаются кодирующими дискурс в сцене вербально, соответствуют его фоновым знаниям и входят в понятие контекста. Вторые рассматриваются как экстра-информация, имплицитное знание сцены или внеязыковые знания кодирующего дискурса, которые вербально не выражены и остаются вне сцены, вне текстовой базы дискурса (фоновые фреймы).

Данный информационный объем приводит к полному осмыслению образов, а концептуально всегда соответствует пропозиции. Дедуктивное извлечение передаваемого пропозицией знания идентично конструированию когнитивной модели ситуации во внутренней речи декодирующего дискурса. Суть явления когнитивной модели ситуации сводится к тому, что знание о ситуации, отраженной в сегменте дискурса (текста), т. е. знание сцены, тесно связано с тем, что декодирующий дискурс может знать о подобных ситуациях (о реальной или воображаемой действительности) благодаря доступу к его фоновым фреймам, т. е. к внеязыковым знаниям: опытным, энциклопедическим, метаязыковым. Отличие когнитивной модели ситуации от представления знания сцены заключается в том, что она может содержать значительный объем информации (имплицитной), которая не выражена и не должна выражаться в тексте, например, потому, что входит в экстралингвистические пресуппозиции кодирующего дискурса или является элементом фоновых фреймов декодирующего дискурса. Концептуально когнитивная модель ситуации идентична пропозиции, а точнее «макропропозиции» [16, с. 41–50], раскрывающей объемный смысл образа в конкретном речевом событии. В когнитивной интерпретации пропозиция представляет собой коммуникативную единицу дискурса (не языка), передающую информацию кодирующего и принимаемую декодирующим дискурсом на основе дедуктивного выведения последним когнитивной модели ситуации.

Обладая когнитивным (номинативным или пропозициональным) значением коммуникативной единицы, когнитивная модель ситуации выстраивается в форме номинализаций.

Номинализации когнитивной модели ситуации, обозначающие ситуацию реальной или воображаемой действительности глобально, соответствует высказыванию, в котором наблюдается опережение феномена номинации. Такая коммуникативная единица характеризуется «скрытой предикативностью». Это эллиптические высказывания и высказывания номинативного типа (односоставные предложения), соответствующие слову или чаще словосочетанию, например: “*Criminology*”, “*Roman Law*”, “*International Law*”, “*Tax Law*”. Таким образом, формирование когнитивной модели ситуации, концептуально равнозначной пропозициональной структуре образов, рассматривается как продукт речемысли (внутренней речи) декодирующего дискурса, как модель порождения высказывания, неотъемлемым свойством которой является наличие номинации и предикации (или скрытой предикации).

Несмотря на значительные успехи, достигнутые когнитивной лингвистикой, появляются статьи, содержащие критику сложившейся модели когнитивной лингвистики [17; 18; 19], называя ее то «нейрокогнитивной» [20], то лишь «прикладной» [21].

Наличие разных точек зрения и разных подходов к сущности когнитивной лингвистики не должно лишать прав на су-

ществование ни одно из сложившихся направлений. Гораздо конструктивней считать, что нейрокогнитивная и прикладная когнитивная лингвистика не антиподы, а лишь две относительно самостоятельные, но в то же время и в чем-то дополняющие друг друга стороны единой когнитивной лингвистики, имеющие свой предмет, цели и методы познания окружающей объективной реальности. Ведь когнитивная лингвистика – это наука о связях, отношениях и корреляциях между когницией и языком [22, с. 31]. Причем главная функция когнитивной лингвистики заключается в установлении данных корреляций с помощью определенных приемов, базирующихся на ряде ключевых понятий и принципов когнитивной науки [23].

Основная задача науки – познание с целью раздвинуть горизонты мира, природы, частью которой является сам человек.

Наука – инструмент человека в реальности, некая самодостаточная система со своими рамками, схемами, а порой и догмами. Однако, ввиду отсутствия гибкости в этих самых догмах и рамках, система может превратиться в сдерживающий загон, тормозящий качественно-поступательный процесс. Можно, конечно, запрещать целые отрасли науки, объявляя их лженаучными. Но думать-то не по правилам не запретишь. Мысли-то свою энергию все равно воплотят в реальность, если основаны на программном базисе сотворения реальности. Мозг человека представляет исключительно сложную, «компьютерную» систему, хранящую и перерабатывающую поступающую из внешнего мира информацию. Свойство мозга отражать и познавать внешний мир предстает как звено в развитии процессов, связанных с передачей и переработкой информации.

Выводы. Вопросы механизма кодирования и декодирования дискурсом категории знания, конфигурации знания, моделирования, пакетирования в уме (умозрении) сегментов (кластеров) знания остаются открытыми.

Знания как «готовый» понятийный и категориальный аппарат; систематизированная общезначимая форма; предмет изучения; устойчивая опора последующей человеческой деятельности – причина появления своего следствия – науки – когнитивной лингвистики.

Используя метод дедукции (от общего к частному), в узком смысле с применением эвристических (греч. *heurisko* – отыскиваю, открываю) стратегий, когнитивная «прикладная» наука может превратиться в причину усовершенствования процесса интеллектуального познания как самим человеком, так и с помощью новейших компьютерных программ и модернизированных моделей искусственного интеллекта (ИИ).

Когнитивная лингвистика в нашем понимании – это наука, изучающая глубинные причинно-следственные связи качественно-поступательного процесса познания мира:

1. Причина – познание мира.

Следствие – информация, знание.

2. Причина – мысли (мыслеобразы).

Следствие – символы сопровождения мыслеобразов – язык (дискурс).

3. Причина – когнитивная модель ситуации какого-либо кластера знаний о мире (знание сцены + фоновые фреймы).

Следствие – кодирование и декодирование знаний (дискурса).

4. Причина – категория знания дискурса.

Следствие – когнитивная лингвистика. (Пока следствие...).

А следствие рано или поздно становится причиной!

Литература:

1. Crombie W. Discourse and Language Learning: A Relational Approach to Syllabus Design / W. Crombie // Oxford University Press. – 1985. – 130 p.
2. Dijk van T.A. Semantic Discourse Analysis // Handbook of Discourse / T.A. van Dijk. – London – Orlando – San Diego – New York : Academic Press, 1985. – P. 103–136.
3. Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка / В.В. Петров, В.И. Герасимов // НЗЛ. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5–11.
4. Fillmore C. (b) The Need for a Frame Semantics within Linguistics, SMIL (Statistical Methods in Linguistics) / C. Fillmore. – Berkeley, 1976. – P. 5–29.
5. Fillmore C. An alternative to checklist theories of meaning / C. Fillmore. – Berkeley, 1975. – (Proceedings of the Berkley Linguistic Society, C. Cogen. H. Thompson (eds)). – P. 123–131.
6. Turner M. Reading minds: the Study of English in the age cognitive science / M. Turner. – Princeton – New York : Princeton University Press, 1991. – 298 p.
7. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – № 23. – С. 52–92.
8. Рудинская Л.С. Современные тенденции развития гематологической терминологии (на материале англ. яз.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.С. Рудинская. – М., 1997. – 27 с.
9. Turner M. Conceptual Integration Networks / M. Turner, G. Fauconnier // Cognitive Science. – 1998. – № 22 (2). – P. 133–187.
10. Касевич В.Б. Язык и знание / В. Б. Касевич // Язык и структура знания. – М.: АН СССР, 1990. – С. 8–25.
11. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта / У.Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – 1983. – № 12. – С. 35–73.
12. Громова К.А. Когнитивные аспекты юридического термина (на материале английской юридической терминологии) / К.А. Громова // Когнитивно-прагматические особенности лингвистических исследований : сб. науч. тр. Калинингр. ун-та. – Калининград, 1999. – С. 62–69.
13. Халеева В.В. Нарративный текст как форма национально-социокультурного сознания (в подготовке переводчиков и преподавателей иностранного языка) / В.В. Халеева // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранного языка в лингвистическом вузе. – М.: МГЛУ, 1996. – С. 72–83.
14. Fillmore C. (a) Linguistics as a Tool for Discourse Analysis / C. Fillmore // Handbook of Discourse Analysis. Disciplines of discourse. Edited by Teun A. Van Dijk // Academic Press. – 1985. – P. 11–39.
15. Brown G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Jule // Cambridge: Cambridge University Press. – 1983. – 288 p.
16. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк; пер. с англ., сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
17. Langacker R. Conceptualization, Symbolization and Grammar / R. Langacker // New Psychology of language. Cognitive and Functional Approaches to language structure. – Mahwah : Lawrence Erlbaum, 1998. – P. 1–39.
18. Folley W. Review of Goldberg, Adele E. (ed), Conceptual structure, discourse and language / W. Folley // Anthropological Linguistics. – 1998. – P. 353–355.
19. Peeters B. Does Cognitive Linguistics live up to its name? / B. Peeters [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cogling.ucsd.edu>.
20. Lamb S.M. Pathways of the brain: the Neurocognitive basis of language / S.M. Lamb. – Amsterdam : John Benjamins, 1999. – 416 p.
21. Peeters B. Cognitive musings / B. Peeters // Word 49. – 1998. – P. 225–237.
22. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) : [учебно-методическое пособие] / Л.В. Ивина. – М.: Академический проект, 2003. – 304 с.
23. Lacroff G. Interview to the magazine “Edge” / G. Lacroff [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.edge.org/documents/archive/edge51.html>.

Маслова С. Б. Когнітивна лінгвістика – альтернативна наука перспективи розвитку загального мовознавства

Анотація. Стаття присвячена проблемі валідності когнітивної лінгвістики. Когнітивна наука вивчає категорію знання учасників дискурсу. При цьому всі можливі компоненти знання моделюються. Когнітивні моделі кодування та декодування дискурсу в пропозиціональній структурі сприяють розробленню найбільш адекватних моделей передавання й прийняття знання як самою людиною, так і за допомогою штучного інтелекту.

Ключові слова: мислити образами, знання, дискурс, дедукція, фрейм, когнітивна модель ситуації, знання сцени, фонові фрейми, контекст, пресупозиція, причина, наслідок.

Maslova S. Cognitive linguistics is an alternative science of the general linguistics progressive perspective

Summary. The article deals with the problem of the cognitive linguistics validity. The cognitive science investigates the category of knowledge used in discourse by its participants. Moreover, all the possible knowledge components are modelled. All the cognitive models of coding and decoding discourse manifested in a propositional structure assist to work out the most adequate models of conveying and accepting the proper cluster of knowledge both by a human being himself and with the aid of the artificial intelligence.

Key words: to think in images, knowledge, discourse, deduction, frame, cognitive situation model, scene knowledge, background frames, context, presupposition, cause, consequence.